

18+

Кира Малори

Гурт

Кира Лалори

ГурТ

«Издательские решения»

Лалори К.

ГурТ / К. Лалори — «Издательские решения»,

Мы привыкли доверять вещам, которые нас окружают. Но что, если все они существуют лишь на тонкой грани, за которой начинается безумие? Шаг за эту черту происходит незаметно: мерцание старого уличного фонаря за окном, странный привкус вокзального пирожка, тихий шелест гниющей соломы на пустом поле. Это истории о том, как легко ломается человеческий рассудок, когда привычная реальность обнажает хищную изнанку. Итак, монетка подброшена. Какая сторона выпадет вам?

© Лалори К.

© Издательские решения

Содержание

Реверс	6
Страж	8
Чешуя	10
Сеновал	11
Хозяин	12
Инкубатор	13
Вечная Мерзлота	14
Окно Напротив	15
Наследие	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ГурТ

Кира Лалори

Иллюстратор Ms.Lulling

Дизайнер обложки Ms.Lullaby

© Кира Лалори, 2026

© Ms.Lulling, иллюстрации, 2026

© Ms.Lullaby, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-9105-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реверс

Страж

Оно стояло в центре гниющего пшеничного поля с того самого дня, как я переехал на эту ферму. Старое, кривобокое, насаженное на толстый дубовый кол.

Его лицо — просто грязный мешок из-под картошки, небрежно стянутый на «шее» ржавой колючей проволокой. Впадины глазниц зияли пустотой, сквозь которую сочилась непроглядная тьма. Ветра в этих краях почти не бывало, но его изодранные в клочья фланелевые рукава всегда слегка подрагивали, словно оно пыталось до чего-то дотянуться.

Первая странность произошла на третью ночь. Я мог бы поклясться, что днём пугало смотрело в сторону леса. Но когда я вышел на крыльцо покурить перед сном, его грубое «лицо» было повернуто ровно к моему окну.

«Это просто ветер, — твердил я себе, затягиваясь сигаретой. — Ослабла верёвка, вот его и крутит на палке».

Но в эту ночь, как и во все предыдущие, стояла душная тишина, в которой не стрекотали даже сверчки. Ни единого дуновения.

На пятый день начался затяжной осенний дождь. Поле превратилось в непролазную грязь. Утром, заваривая кофе, я посмотрел в окно и окаменел. Пугала не было на месте. Остался только торчащий из земли голый дубовый кол.

Паника холодной иглой вонзилась в затылок. Я выскочил на крыльцо, едва не поскользнувшись на мокрой доске, и обомлел: прямо от ступеней вглубь поля тянулись глубокие, вдавленные борозды, словно кто-то с трудом волочил за собой бревно.

Я запер все двери, задвинул железные щеколды и опустил жалюзи на окнах. Сидя в гостиной с дедовским охотничьим ружьём на коленях, я до боли в пальцах сжимал приклад. Монотонный шум дождя за окном постепенно нарастал. Вскоре небо окончательно почернело, и началась настоящая гроза — раскаты грома сотрясали стены, а ливень яростно лупил по крыше.

Стук.

Медленный, глухой стук в заднюю дверь, едва различимый сквозь рокот непогоды. Тук... Тук... Тук... Не костяшками пальцев, а деревом по дереву.

Затем раздался шорох — кто-то тёрся намочшей мешковиной о стекло окна прямо за моей спиной. Я повернул голову. Сквозь узкие щели в жалюзи на меня смотрела пустота прорезей. Ржавая проволока противно скрипнула, когда голова пугала дёрнулась вбок, словно изучая меня.

Вдруг свет в доме погас.

В кромешной тьме, сквозь шум грозы, я услышал то, от чего кровь окончательно застыла: жуткий треск рвущейся древесины и скрежет сминаемого металла. Неведомая сила снаружи мощным рывком вырвала дверную задвижку прямо с куском косяка. Дверь с грохотом распахнулась настежь.

В дом ворвался холодный, шквалистый ветер. Я вздрогнул: после стольких дней глухого штиля этот внезапный ледяной порыв казался чем-то абсолютно чужеродным. Вместе с ним комнату заполнил запах прелой соломы, старой земли и... гниющего мяса.

Послышались шаги. Грузные, неровные, словно кто-то с трудом волочил ноги по деревянному полу. Нечто неумолимо надвигалось во мраке.

Я вскинул ружьё, но руки дрожали так сильно, что дуло ходило ходуном.

— Кто здесь?! — крикнул я, но мой голос сорвался на жалкий, сдавленный хрип.

Оно было уже в комнате. Прямо передо мной. Очередная вспышка молнии на долю секунды озарила гостиную мертвенно-белым светом.

Пугало стояло в метре от меня. Но теперь я видел то, что скрывалось под разорванной рубашкой. Там не было соломы. Широкая грудная клетка состояла из переплетённых почерневших веток, внутри которых билось и пульсировало что-то тёмное, скользкое и живое.

Оно плавно протянуло ко мне свою руку — толстую ветку с длинными, острыми, как бритва, сучьями на конце. Прорези на грязном мешке жутко исказились, словно пугало разомкнуло невидимую пасть. Воздух со свистом вырвался из его деревянной груди, и в комнате раздался сиплый, kloкочущий голос:

— Кол пустует... Полю нужен... новый страж.

Тьма снова сомкнулась, и последним, что я почувствовал, был удушающий запах гнили и ржавая колючая проволока, намертво обвивающая моё горло...

Чешуя

Я всегда ненавидел запах гниющей рыбы, но в этом проклятом прибрежном городке от него было не скрыться. Он въедался в одежду, в волосы, в сами деревянные стены моего снятого на зиму домика.

Всё началось с крошечного пореза. Три дня назад, гуляя по каменистому пляжу после шторма, я наткнулся на выброшенную волнами тушу. Она не была похожа на обычную рыбу: длинная, покрытая толстой, как броня, угольной чешуёй. Когда я попытался брезгливо столкнуть её обратно в воду ногой, острый, как бритва, спинной плавник скользнул по моей лодыжке, пропоров плотную джинсу и кожу.

Сначала рана просто чесалась. Но на второе утро, выйдя из душа, я заметил странный блеск на ноге. Вокруг покрасневшего пореза кожа стала плотной и приобрела перламутровый, болезненный оттенок.

Решив, что это обычная инфекция от грязной морской воды, я достал из аптечки пинцет и спирт, намереваясь просто снять омертвевшую ткань и обеззаразить рану.

Я подцепил пинцетом то, что казалось засохшей полупрозрачной корочкой, и с силой потянул. Резкая, ослепляющая боль прострелила ногу до самого бедра. Я задохнулся от крика, выронив инструмент на кафель. На кончике пинцета, намертво зажатая в металле, тускло поблёскивала идеальная, жёсткая рыба чешуйка. На её корневом основании виднелись крошечные капельки моей крови.

Она не прилипла к коже, а росла из меня.

С этого момента изменения начали происходить с ужасающей скоростью. Каждое утро приносило новые симптомы, превращая моё тело в нечто чужеродное.

Вода из-под крана казалась мёртвой на вкус. Я начал добавлять в неё горсти крупной морской соли, выпивая литры, но сухость в горле только усиливалась.

Моя кровь словно остывала. Горячий душ теперь вызывал невыносимое жжение и волдыри, а тело требовало ледяной, пронизывающей сырости.

Серебристая сыпь неумолимо поползла вверх по бедру, захватывая живот и спину. Чешуйки наслаивались друг на друга, образуя плотную, непробиваемую броню, которая противно шуршала при каждом движении.

Сегодня я больше не смог надеть одежду. Любая ткань причиняла адскую боль, цепляясь за острые края моего нового покрова. Лёгкие горели, словно воздух в комнате стал для них слишком колючим.

Я открыл рот, чтобы сделать судорожный вдох, и по бокам шеи, чуть ниже челюсти, кожа с мерзким хлюпаньем разошлась в стороны, образуя три глубокие багровые щели. Они содрогались, жадно втягивая в себя влагу от пущенной в раковину ледяной воды.

За окном шумел прибой. Раньше этот монотонный звук океана сводил меня с ума, но теперь... теперь он звучал как древняя колыбельная. Как зов.

Я прижал изуродованную, покрытую скользкой серебристой чешуёй руку к холодному стеклу. Там, в пучине, среди гниющих водорослей и покрытых густым илом камней, меня ждали. И я знал, что если не уйду в ледяную воду прямо сейчас, то навсегда задохнусь в этом чужом мире людей.

Сеновал

Воздух под раскалённой железной крышей сеновала всегда был густым и противным. Здесь пахло сладковатой травой, мышинным помётом и вековой пылью, которая золотыми столбами кружилась в редких лучах света, снующих сквозь щели.

Я поднялся по шаткой деревянной лестнице с вилами в руках. Скотина внизу ждала корма, и мне нужно было добраться до самых старых, слежавшихся тюков у дальней, тёмной стены чердака. Шаги глухо вязли в толстом слое рассыпанной трухи, а от невыносимой духоты к горлу подкатывала тошнота.

Старик-сосед, помогавший скирдовать этот урожай много лет назад, строго-настрого запрещал соваться в самый конец чердака, предупреждая, что там всё давно превратилось в гниль, но мне было всё равно.

Я вонзил ржавые зубья вил в плотный потемневший сноп, но тюк не поддавался. Я стиснул зубы и потянул черенок на себя со всей силы.

Сноп грузно развалился надвое, словно вспоротое брюхо.

Из образовавшейся бреши посыпалась не труха. На дощатый пол со звуком тысячи трущихся друг о друга тараканьих лапок хлынул янтарный поток.

Это была не трава.

Длинные, изломанные стебли оказались тонкими хитиновыми жгутиками, покрытыми крошечными крючками и полупрозрачной слизью. Они хаотично извивались, сплетаясь и расплетаясь, слепо шаря в воздухе в поисках источника тепла. Весь дальний угол сеновала, от пола до самых стропил, оказался огромным гнездом.

Я в ужасе попятился к спасительному квадрату люка, но моя правая нога вдруг ушла вниз. То, что ещё секунду назад казалось твёрдым настилом из старого сена, разъехалось под моим весом, превратившись в зыбучую воронку из живых нитей.

«Сено» вокруг моей лодыжки мгновенно пришло в движение. Безжизненные, ломкие жгуты молниеносно взвились по штанине. Я закричал, пытаясь вырваться, но сотни микроскопических крючков вонзились в бедро, прошивая кожу и мышцы насквозь, как швейные иглы.

Стремительно теряя равновесие, я рухнул спиной прямо в копошащееся жёлтое скопище.

Плотная волна удушливого тепла накрыла меня с головой. Хитиновые стебли обвивали мои руки, рёбра, шею, намертво пригвождая к полу. Слезающимися от едкой пыли глазами я посмотрел вверх и увидел то, что скрывалось в тени под самой крышей. Там, надёжно прикреплённые к балкам, висели огромные, туго спелёнутые коконы из точно таких же жгутов. Внутри них, сквозь плотную жёлтую паутину, отчётливо угадывались пересушенные человеческие силуэты с застывшими в немом крике лицами.

Копошащийся рой полностью закрыл обзор, забиваясь в нос и уши. Стебли с силой пробили гортань, навсегда вплетая мой захлебнувшийся крик в бесконечный, тихий шорох забытого чердака.

Хозяин

От покойной бабки мне досталась типичная квартира с выцветшими обоями и скрипучей мебелью. Однако к привычному духу старых вещей и въевшегося корвалола примешивалось кое-что ещё. За массивной советской газовой плитой на кухне всегда стояла затхлая вонь.

«Обязательно оставляй Хозяину молока и кусок хлеба, — вспомнил я наставления бабки, разбирая её вещи. — Иначе он обидится и начнёт выживать тебя из дома».

Я усмехнулся, но ради забавы налил на ночь в блюдечко немного молока и поставил в угол, а наутро в нём не осталось ни единой капли.

Списав всё на мышей или крыс, я убрал блюдце и больше его не ставил. С того момента присутствие чужого в доме стало осязаемым. Сначала исчезали блестящие предметы: столовые приборы и даже ключи. Затем со стола пропал кухонный нож для мяса, а по ночам из-под плинтусов доносилось царапанье, словно кто-то скрёб по линолеуму длинными, толстыми ногтями. Я начал находить по всей квартире клубки жёсткой, спутанной шерсти. Но, присмотревшись к ним однажды днём, я с ужасом понял: это была не шерсть. Это были длинные волосы разных оттенков, склеенные между собой засохшей бурой слезью.

На четвёртую ночь я не выдержал. Плеснув молока, я выключил везде свет, взял разводной ключ, сел в тёмном коридоре так, чтобы видеть освещённую луной кухню, и стал ждать.

Оно появилось в полночь. Из узкой щели между плитой и стеной, куда не пролезла бы и кошка, сначала высунулась рука. Непропорционально длинная, с тремя дополнительными суставами на каждом пальце, которые заканчивались грязными, обломанными ногтями.

Когда существо вылезло на свет, я смог хорошенько его разглядеть.

Это был сторбленный, истощённый клубок бледной кожи и выпирающих костей, густо покрытый теми самыми слипшимися патлами.

Чудовище подползло к приманке, склонилось над тарелкой, и его нижняя челюсть отвисла до самой груди, обнажив ряды мелких, полупрозрачных игольчатых зубов. Всосав молоко вместе с самой тарелочкой, которая с хрустом перемолотась в его глотке, оно дёргано повернуло ко мне безупречно гладкое лицо, нижняя часть которого вдруг разъехалась в стороны, и зияющая, усеянная иглами зубов хищная пасть распахнулась настежь. Из глубины его утробы, сквозь тошнотворную вонь, до боли знакомым, ласковым вздохом прозвучал голос моей покойной бабушки:

«Молоко — это, конечно, хорошо, внучок. Но сегодня Хозяину нужно мясо».

Длинные пальцы с тихим стуком впились в линолеум, и существо с невероятной скоростью, извиваясь как гигантский паук, бросилось ко мне...

Инкубатор

Ноющая боль в нижней челюсти сводила с ума уже третью неделю. Обезболивающие перестали помогать, а во рту постоянно стоял тошнотворный, железистый привкус крови и сладкого гноя.

«Восьмёрки практически всегда режутся мучительно, — устало отмахнулся дежурный стоматолог в поликлинике, мельком глянув на мутный рентгеновский снимок. — Корни переплетены, но место пока есть. Полощите содой и терпите».

Но терпеть больше не было сил.

Той ночью я стоял перед зеркалом в ванной, оттягивая край губы и освещая рот фонариком от телефона. Щека раздулась, кожа на ней блестела от температуры и казалась почти прозрачной. Я осторожно завёл указательный палец в самую глубь рта, за последний моляр, туда, где десна превратилась в воспалённый бугор.

Подушечка пальца нащупала прорезавшуюся верхушку.

Твёрдый выступ ощущался зазубренным и очень острым, как обломок вулканического стекла. Я надавил чуть сильнее, пытаюсь понять угол наклона. Осколок под пальцем явно дрогнул.

Липкая испарина мгновенно выступила на моём лбу. Я судорожно втянул воздух, до побеления костяшек вцепившись свободной рукой в край фаянсовой раковины. В свете фонарика я увидел, как багровая ткань десны разъезжается в стороны.

Из образовавшейся щели показалась не белая коронка зуба.

Наружу, царапая внутреннюю сторону щеки, вылез тонкий, блестящий от густой слюны хитиновый коготь, покрытый жёсткими тёмными ворсинками. За ним, с омерзительным хрустом ломающейся челюстной кости, потянулся второй. Они упёрлись в здоровые зубы, используя их как рычаг.

Я попытался закричать, позвать на помощь, но звук булькающим хрипом застрял в горле. Шея раздулась, перекрывая дыхательные пути. То, что я принимал за воспаление, оказалось не нарывом. Моя нижняя челюсть стала инкубатором.

Внутри кости, распирая и перемалывая настоящие корни, ворочалось нечто крупное и невероятно сильное. Оно росло там долгие месяцы, питаясь моей кровью и кальцием, сплетая собственные отростки с моей нервной системой. И теперь ему стало слишком тесно в этой костяной клетке.

Рот распахнулся сам собой до предела, суставы челюсти со звонким щелчком вышли из пазов. В забрызганном кровью зеркале я успел увидеть, как длинные лапы одна за другой вылезают из разорванной плоти, жадно цепляясь за язык и нёбо, чтобы вытащить наружу своё блестящее брюшко, которое всё это время было моей частью.

Вечная Мерзлота

Гул старого, надрывающегося компрессора я услышал задолго до того, как увидел сам киоск. Ноябрьский парк был безлюден, дорожки покрывал тонкий слой грязной наледи, а колючий ветер пробирал до костей. И всё же, в самом конце липовой аллеи, сиреневым неоновым светом мерцала вывеска: «МОРОЖЕНОЕ».

Это был классический, угловатый ларёк из девяностых, каких я не видел уже лет двадцать. Выцветшие наклейки с улыбающимися детьми и мощная корка инея толщиной в палец на широком витринном стекле.

«Кто в здравом уме станет торговать пломбиром в такой мороз?» — промелькнула мысль, но ноги сами понесли меня к тусклому квадрату света.

В крошечное окошко выдачи, обрамлённое бахромой льда, не было видно лица продавца. Только темнота и клубы морозного пара, медленно вытекающие наружу.

Я машинально порылся в кармане, достал смятую купюру и положил на металлический лоток. Деньги исчезли во мраке, и в ту же секунду из окошка показалась грязная пуховая varejka, окаменевшая от мороза. Она сжимала вафельный стаканчик с белоснежной горкой пломбира, самый обычный, без упаковки.

Немного поколебавшись, я всё-таки забрал мороженку. Вафельный стаканчик обжёг пальцы холодом, но почему-то не прилип к коже.

Едва откусив застывшее лакомство, я с наслаждением прикрыл глаза. Тот самый вкус из детства: густые сливки, сгущёнка, мягкая вафля... На мгновение внутри разлилось невероятное тепло и умиротворение. Забыв о морозе, я жадно откусил снова, проглатывая тягучую сладость, которая мгновенно обернулась ледяным ядом.

Безжалостный ноль стремительно потёк вниз по пищеводу, парализуя грудную клетку. Моё сердце сделало один гулкий, медленный удар и затихло. Я попытался выдохнуть, но из открытого рта посыпались мелкие, пушистые снежинки. Кровь кристаллизовалась, стягивая кожу изнутри, и тело с жутким потрескиванием превращалось в неподвижную глыбу.

Недоеденный стаканчик выскользнул из онемевших пальцев и со звоном, точно хрустальный, разлетелся об асфальт. Застывая на месте, я поднял тяжелеющий взгляд на витрину киоска.

Гул компрессора стал громче, и толстая корка инея на стекле слегка подтаяла изнутри. За мутной преградой не оказалось ни морозильных ларей, ни коробок. Всё тесное пространство ларька заполняли люди, втиснутые туда вплотную друг к другу. Мужчины, женщины, подростки. Они застыли в изломанных позах, покрытые коркой сизой изморози. Их распахнутые глаза побелели от стужи, а приоткрытые рты в такт рычанию мотора синхронно исторгали густые клубы пара.

Они не были покупателями. Они и были охлаждающей системой.

Ржавая дверца киоска со скрипом отворилась. Из клубящегося мрака вынырнула рука в грязной пуховой varejke, намертво вцепилась в мой воротник и потащила внутрь. Я не мог сопротивляться, не мог даже издать ни звука. Заледеневшие ноги безвольно заскользили по асфальту навстречу вечной стуже, где мне предстояло выдыхать зиму до скончания времён.

Окно Напротив

Моя бессонница началась ровно в тот день, когда в дом напротив въехал новый жилец. Наши здания разделяли всего пятнадцать метров узкого, вечно сырого двора-колодца. Его квартира находилась на одном этаже с моей, и он никогда не задёргивал шторы.

Каждую ночь, ровно в два часа, в его окне загорался тусклый, болезненно-жёлтый свет. И каждую ночь он стоял прямо посреди комнаты, глядя в мою сторону.

Поначалу я старался не придавать этому значения: мало ли в городе сумасшедших, а бессонница или ночные перекуры — дело привычное. Я нервно дёргал за шнурок жалюзи, пытаясь не смотреть в ту сторону, но факт оставался фактом: сосед никогда не курил, не пил чай и не смотрел телевизор. Он просто стоял, опустив руки вдоль туловища, идеально неподвижный, как витринный манекен. Его лицо всегда скрывала густая тень от старой люстры, но я кожей чувствовал этот немигающий взгляд.

На пятую ночь я не выдержал. Чувство чужого, липкого присутствия душило меня, не давая даже закрыть глаза. Выпив для храбрости, я не стал включать свет, а тихо подошёл к окну вплотную, прижался лбом к холодному стеклу и всмотрелся в жёлтый прямоугольник напротив.

Он стоял там же. Но что-то в нём существенно изменилось.

Его пропорции казались неправильными. Плечи были узкими и покатыми, словно внутри мешковатого пиджака не было ключиц. Руки висели слишком низко, почти доставая до колен. Секунду спустя фигура дёрнулась и сделала неровный шаг вперёд к своему окну.

Я боялся пошевелиться и выдать своё присутствие в темноте. Теперь свет в комнате падал прямо на его лицо.

То, что я принимал за человеческую голову, оказалось слеplенным комком серой массы, напоминающей осиное гнездо. Там не было ни глаз, ни рта — только бездонные, чёрные отверстия. Они слегка расширялись и сужались, словно эта тварь дышала всей поверхностью своей уродливой головы.

В этот момент лампа в квартире напротив мигнула и погасла.

Чужое окно разом превратилось в сплошную черноту. Я перестал дышать. Глаза отчаянно шарили по мраку, пытаясь выхватить знакомый силуэт, но там никого не было. Сосед просто исчез.

Я всё ещё стоял, прижавшись лбом к стеклу. Постепенно фокус зрения сместился. На фоне ночной улицы неосвещённое окно превратилось в тёмное зеркало. В нём проступил бледный овал моего лица, а за ним — слабо освещённые очертания комнаты.

И высокая, неестественно сутулая фигура прямо за моей спиной.

Руки-плети безжизненно свисали вдоль туловища. Не в силах даже моргнуть, я смотрел в стекло и видел, как уродливая серая голова медленно наклоняется к моему плечу.

Сзади потянуло сладковатой гнилью, и в тишине раздался влажный, губчатый звук — провалы на лице твари синхронно расширились, с жадностью втягивая воздух.

Из них прямо на меня хлынула сплошная, шевелящаяся волна крупных насекомых. Гудящий рой мгновенно облепил мою шею и лицо. Тысячи крошечных, острых жвал впились в глаза, прогрызали губы и плотным комком забивались глубоко в гортань, намертво перекрывая дыхание.

Сквозь оглушающий гул крыльев и невыносимую боль, разрывающую меня изнутри, я в последний раз посмотрел в окно. В тёмном отражении было видно, как пустой мешковатый пиджак соседа бесформенной тряпкой оседает на пол, пока рой жадно выедает мои внутренности, выстраивая под моей кожей своё новое гнездо.

Наследие

Они стояли в прихожей с самого дня похорон. Кавалерийские сапоги из грубой кожи, сорок шестого размера. Дед носил их почти полвека, натирал дёгтем и воском, и казалось, они впитали в себя самую его суть. Высокие голенища вызывающе смотрели вверх, а сбитые носки были покрыты слоем подсохшей рыжей глины. Мать хотела выбросить их, но я упрямо отстоял дедово наследство.

Дедушка относился к обуви с религиозным трепетом, считая её истинным лицом мужчины. По его твёрдому убеждению, только ухоженные сапоги могли вывести живым оттуда, откуда чёрт ноги не вытащит.

Сначала запах дёгтя перебивал всё остальное, но спустя неделю я начал замечать, что в прихожей пахнет как-то иначе. Смесь старой кожи, дешёвого табака и чего-то... кислого, словно где-то под половицами гнило яблоко. Я заглянул внутрь голенищ — пусто, только стельки из старого шинельного сукна.

Ночами, когда дом затихал, от входной двери доносились звуки. Вместо привычного мышиного писка или скрипа половиц раздались ритмичные удары. Будто кто-то невидимый в сердцах топает по полу, не сходя с места, и этот грохот отдавался вибрацией по всему коридору.

Старые дома всегда усаживаются по ночам, деревянные перекрытия гуляют и скрипят, поэтому я старался не обращать на это внимания, накрывался одеялом с головой, пытаюсь уснуть, но каждый раз вздрагивал, когда стук в коридоре становился громче.

На десятый день ударил затяжной осенний дождь. Дорогу к дому развезло, и мне пришлось выйти, чтобы подпереть падающий забор. Мои старые кроссовки промокли мгновенно, и ноги окоченели. Я вернулся в прихожую и посмотрел на дедовы сапоги. В полумраке прихожей их влажный блеск манил своей надёжностью.

Я сел на табурет и просунул правую ногу в голенище. Сапог тут же плотным, горячим кольцом обхватил ступню, и внутренность словно ожила. Она была скользкой и шершавой, как язык огромного зверя. Тысячи крошечных, невидимых игл вонзились в кожу, прорастая прямо сквозь стопу. Я попытался выдернуть ногу, но сапог держал её намертво. Голенище начало стремительно плавиться, срастаясь с моей икрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.